

DOI: 10.31857/S032150750010101-3

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА АФРИКИ: СТРУКТУРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ВЛИЯНИЕ

Статья 2

© 2020 О. ФИТУНИ

ФИТУНИ Ольга Леонидовна, научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН (o-l-fit@yandex.ru)

Окончание. Начало см.: Азия и Африка сегодня. 2020, № 6.

Резюме. В публикуемой серии из двух статей автор дает концентрированный анализ эволюции китайской диаспоры в Африке, ее возникновения, изменения во времени ее характера, структуры и распространения по континенту. Оценивается потенциал ее влияния на историческое, экономическое развитие, политическую и общественно-культурную жизнь в этих государствах, а также на отношения последних с китайским отечеством.

Вторая статья серии посвящена анализу структуры китайской диаспоры в Африке, ее отношений с окружающим африканским социумом и влиянием на развитие страны пребывания и отношения КНР и Тайваня с этими государствами.

Ключевые слова: Африка, китайская диаспора, хуацяо, конструкция идентичности, политическое влияние, власть, экономика, международные отношения

CHINESE DIASPORA IN AFRICA: STRUCTURE, IDENTITY, INFLUENCE. Part 2

Olga L. FITUNI, Research Fellow, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (o-l-fit@yandex.ru)

Abstract. In this article, the author aims to give a concentrated exposition of the evolution of the Chinese Diaspora in Africa, including its origins, modification in time of its character and size, transformations of its structure and alterations in geographical distribution on the continent. On the basis of the undertaken analysis she assesses the potential of its influence on host societies, as well as the impact it produces upon historical and economic development, political and socio-cultural life in the host nations, and on the bilateral relations of the latter with China and Taiwan.

As a result of the analysis, the author arrives to the conclusion that although at different stages of history, the quantitative component has influenced these aspects of the socio-economic life of Africa to varying degrees, it has never played the role of the main determinant of such influence. The numbers of the Chinese in any one country in Africa have never reached a point to influence the politics and economy of African States by virtue of the Diaspora's very size proper. On the contrary, the analysis of recent trends points to a tendency towards an increase of such influence due rather to qualitative changes in the characteristics of the Diaspora, in particular, in the context of the growth of the global influence of their Chinese homeland.

The second article in the series analyzes the structure of the Chinese Diaspora in Africa, its relations with the surrounding African society, and its influence on the development of the host country as well as the relations of China and Taiwan with those States. The article also contains a critical assessment of arguments used by both the critics and the proponents of the positive spillovers of the growth of Chinese diasporas in Africa.

Keywords: Africa, Chinese Diaspora, huaqiao, identity construction, political influence, power, economy, international relations

СТРУКТУРА ДИАСПОРЫ

В структурном отношении китайскую диаспору в Африке можно рассматривать в двух планах: а) на более простом уровне как набор частей, компонентов ее составляющих, и б) в качестве сложной совокупности устойчивых связей, формирующих и обеспечивающих целостность диаспоры как системы, «защищающих» ее от потери под влиянием внешних и внутренних воздействий своего сущностного фундамента - «китайскости».

Первый подход ориентирует исследователя на изучение «разделительных линий» внутри диаспоры - разбиение на части и последующую группировку элементов единого целого, согласно некоторым критериям: по правовому статусу ее членов, имущественному цензу, этнографическим особенностям субэтносов, языковым и диалектальным различиям, классовым и стратовым разграниче-

ниям по закрепленным социальными функциями, правам, привилегиям и т.д.

Второй подход, наоборот, ориентирует на поиск факторов и силовых связей *объединяющих*, цементирующих диаспору, которые в диалектическом единстве формируют коллективную идентичность ее членов, сохраняют ее как некую самовоспроизводящуюся и тождественную только самой себе сущность.

Пример китайской диаспоры в Африке ярко демонстрирует научную состоятельность и необходимость обоих подходов.

С одной стороны, эта диаспора имеет весьма фрагментированную структуру. В международно-правовом смысле она - не что иное, как механическое соединение множества китайских сообществ в более чем 50 суверенных странах континента. С другой - степень «обобщенности» и взаимозависимости локальных китайских сообществ в Африке, на деле, в среднем, намного выше, чем, напри-

мер, между устоявшимися и самодостаточными диаспорами стран Юго-Восточной Азии. Страновые китайские диаспоры в Африке еще не столь консолидированы внутренне, их члены без труда перетекают из одной в другую. Их развитие и даже размеры очень сильно зависят от стратегии Китая в Африке в целом, и от места, отводимого стране расселения в проектах «Пояс и путь», от двухсторонних отношений Пекина и их новой родины.

В соответствии с первым подходом, китайские диаспоры в Африке можно структурировать на межстрановом уровне по «стажу» их существования (с колониальных времен, до или после образования КНР и т.д.). *Внутри* же африканских стран проживания китайскую диаспору принято делить на «старую» и «новую». К старой ныне относят ту ее часть, которая прибыла в Африку до начала 4-й (текущей) иммиграционной волны¹ на континент. В настоящее время «старая» диаспора, в целом, по континенту составляет лишь четвертую часть от всех живущих в Африке китайцев, но и эта доля стремительно тает.

В «старой» диаспоре традиционно в качестве структурных элементов выделяли различные клановые группы, в т.ч. принадлежность к разным субэтнотам китайского народа, к определенным фамильным (именным) кланам, профессиональным/ремесленным объединениям («гильдиям»), происхождению из определенной провинции или района Поднебесной и т.д. Во многом эти критерии структурирования китайской диаспоры в Африке важны до сих пор (например, как единое связующее звено сообществ китайского субэтнотоса *хакка* на Маврикии, Реюньоне, Мадагаскаре и т.п.). В то же время процессы модернизации и все более частое «перемешивание» диаспоры вследствие меняющихся реалий жизни постепенно уменьшают их традиционную значимость.

Между «старой» и «новой» диаспорами сохраняются очевидные лингвистические различия. На то, какой диалект или говор китайского языка становился наиболее распространенным в конкретной африканской стране или ее части, влияло большое количество факторов: география истока эмиграции, классовое, социальное, клановое происхождение носителя, для более поздних поколений - происхождение предков-мигрантов, степень ассимиляции данного диаспорального сообщества в целом и семьи носителя в частности, официальная культурная, языковая политика страны их проживания.

Не будет ошибкой утверждение, что основная масса представителей первых трех волн китайской иммиграции в Африку, а, соответственно, почти вся «старая» диаспора, использует в обихо-

де южнокитайские диалекты, прежде всего гуандунский (кантонский), хакка, диалекты миньской (фуцзяньской) группы. Однако поселившиеся в Африке в ходе 4-й волны китайцы, в особенности из бизнес-сообщества, профессионалы, инженеры, врачи, учителя, приехавшие из разных районов КНР, чаще используют официальный *путунхуа*, являющийся в современном китайском обществе единым языком коммуникации.

Помимо дихотомии «старая/новая», диаспоры в структурном отношении распадаются на две сильно различающиеся в правовом отношении части - описанных выше «*хуацяо*» и «*вайцзи хуажэнь*», т.е. на лиц имеющих или не имеющих китайское гражданство. Сегодня удельный вес первой группы не только превалирует в структуре диаспоры, но и растет необычайно высокими темпами.

Наиболее сложным вопросом, предполагающим подробное рассмотрение, но требующим для адекватного изложения более значительного объема разъяснений, чем позволяют рамки статьи, является меняющаяся на протяжении исторического развития социально-классовая структура китайской диаспоры. Здесь, несмотря на наличие доминирующих на разных этапах развития общих трендов, видны существенные страновые различия.

Так, на Маврикии состав китайской диаспоры уже с конца XIX в. в массе, наряду с сельскохозяйственными рабочими, включал представителей мелкобуржуазной среды - лавочников, торговцев среднего достатка, мелких и средних ремесленников, хозяев мастерских, а со временем и мелких собственников земли и т.д.

В британской Южной Африке примерно в этот же период основная масса китайцев представляла беднейшие слои пролетариата горной промышленности (хотя традиционная для китайского жизненного уклада мелкая торговля, особенно вразнос, а также малые семейные предприятия начали появляться задолго до массового завоза *кули*), а в Мозамбике и на Мадагаскаре - полурабскую рабочую силу, трудившуюся на сахарных плантациях.

К 1910-м гг. в Южно-Африканском Союзе начавшая вставать на ноги китайская мелкая торговая буржуазия была жестко ограничена в своем росте строгими сначала националистическими, а позднее расистскими законами и уложениями.

В результате 3-й волны миграции, в основном в 1950-х - 1970-х гг., на континенте, в целом, в составе классовой структуры диаспоры стали доминировать представители мелкой и средней торговой буржуазии. Тогда же в Африке начали появляться и первые китайские миллионеры. Часть из них перебралась в Африку в этот период из Гон-

¹ В первой статье автор выделяет четыре этапа (волны) китайской иммиграции в Африку: 1-й - примерно до 1860-х - 1870-х гг.; 2-й - с 1870-х до 1940-х; 3-й - с 1940-х до начала 1980-х гг. Текущий, четвертый этап начался в 1980-х гг. Подробнее см.: [1].

конга и Тайваня. Ныне они уже считаются представителями «старой» диаспоры.

Четвертый этап развития диаспоры внес ранее невиданные особенности в ее структуру. В ней сохранились почти все элементы структуры предшествующего, третьего периода ее развития, но появились и абсолютно новые. К ним следует отнести многотысячную армию новых китайских предпринимателей «социалистического типа», прибывших осваивать Африку не только в интересах собственного обогащения, но и для создания на родине общества «средней зажиточности» и для воплощения «китайской мечты».

Вместе с тем, в структуре китайской диаспоры большая доля приходится на сотни тысяч китайских рабочих, специалистов, инженеров, врачей и преподавателей, трудящихся на объектах китайско-африканского сотрудничества, реализующих инфраструктурные мегапроекты и т.д.

Интересным является то, что значительная часть из них отправилась в эти командировки, имея цель на длительное время осесть в Африке, создать здесь свой бизнес, возможно, обзавестись семьей (в основном, но не всегда, в союзе с представителем китайской диаспоры) и пустить корни. Китайское правительство не только не препятствует им в этом, но и создает необходимые условия: оказывает дипломатическую, информационную, юридическую, порой организационную поддержку.

КОНСТРУКЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Главным стержнем, соединяющим в истории разные стадии развития диаспоральных сообществ *хуажэнь*, является бережное отношение к сохранению своей китайской идентичности.

В российской науке развитие получил тезис об особой диаспоральной идентичности, которая, по мнению исследователя этого феномена проф. И.Л. Прохоренко, «носит двойственный гибридный характер, поскольку представитель диаспоры одновременно отождествляет себя и с новой, и с прежней родиной... Соподчинение этих двух конкурирующих между собой идентичностей очень изменчиво, соответственно, исход гибридизации диаспоральной идентичности сложно предсказать» [2, с. 434].

Соглашаясь с самим фактом существования особой диаспоральной идентичности, хотелось бы отметить, что для старых китайских диаспор Африки речь следует вести не о двойственном, а о тройственном ее характере. Помимо отождествления себя и со старой, и с новой родиной, у ее носителя присутствует третий аспект, когда этнический субстрат разделен на конфликтующие идентичности «старых» и «новых» иммигрантов.

В какой-то степени этот конфликт сродни конфликту внутри российской эмиграции между по-

томками «старых и благородных» мигрантских слоев постреволюционных лет, и толпами «понаехавших» в поисках наживы постсоветских «новых американцев и европейцев».

Тем не менее, как представляется, «китайскость» как концентрированное выражение идентичности в этом конфликте берет верх. Залогом ее сохранности, а следовательно, и существования диаспоры, исторически была опора на три столпа китайской культуры или общественной жизни в чуждом окружении (социуме) - клановость, этнолингвистическую коммуникацию (включая китайскоязычные СМИ) и наличие китайских школ как для изучения языка, так и для передачи новым поколениям культурно-цивилизационного наследия Поднебесной.

Несмотря на процессы модернизации и активное приобщение поколений молодых предпринимателей *хуацяо* к достижениям западной цивилизации, эти столпы продолжают нести на себе нагрузку по сохранению и развитию китайской идентичности и на современном, четвертом этапе развития диаспоры. Взаимная значимость трех столпов со временем меняется. Относительно понизилась роль клановости, а вот развитие китайскоязычных медиа и средств коммуникаций уверенно развивается - сегодня, в основном, в цифровом/сетевом варианте.

Хотя в разных государствах Африки отношения между представителями различных волн иммиграции могут складываться не всегда гладко, базовые морально-этические нормы, идеи и понятия, формирующие их китайскую идентичность, объединяют «зарубежных китайцев» в стране и прочно цементируют китайские диаспоры. По мнению ведущего современного исследователя культуры Китая Шэнь Чжэньхуэя, это концепты «*кэ цзи фэн гун*» - «преодолевая себя, служить обществу» (применительно к *хуацяо* речь идет как о службе китайской диаспоре в данной стране, так и о большой китайской Родине), «*цзи со бу юй, у ши юй жэнь*» - не делать людям того, чего сам не желаешь себе, «*чэнсинь*» - добросовестность, «*цзин цзян*» - трудолюбие и бережливость [3, с. 264].

Деловой успех африканских *хуацяо* во многом объясняется приверженностью к еще одному прививаемому китайцам с детства жизненному правилу, которое (по крайней мере, в наставлениях родителей) считается стержневым: «в богатстве не излишествовать, в бедности не сгибаться, перед силой не унижаться» [3, с. 264].

И наконец, базовый элемент, который, по нашему мнению, является ключевым для понимания особого характера отношений, существующих веками между Китаем и китайскими диаспорами не только Африки, но всех частей света, - это упомянутый нами в статье 1 [см.: 1] принцип сохраняющейся личной и коллективной ответственности перед (пра)Родиной - «раньше всех горе-

вать над горем Поднебесной и после всех наслаждаться ее радостями» [1].

На практике действенность принципа ярко подтвердила безотлагательная самоорганизация африканских китайцев, уже на ранних этапах эпидемии COVID-19 начавших сбор средств, закупку и пересылку в КНР медицинских масок и других материалов.

Если можно говорить о диаспоральном понимании китайской идентичности, этот принцип является ее квинтэссенцией и концентрированным проявлением в собственных глазах и глазах соотечественника, живущего в той же африканской стране своей подлинной и непреходящей «китайскости».

ВЛИЯНИЕ: СКРЫВАТЬ БЛЕСК И ДЕЛАТЬ ВОЗМОЖНОЕ

В последние годы вопрос о росте влияния китайской диаспоры на развитие стран приема и отношения между новой и старой родиной привлекает внимание многих исследователей. Он стал предметом острой полемики и орудием пропагандистских манипуляций противников расширения влияния Китая в Африке. Насколько оправданы высказываемые некоторыми авторами на этот счет опасения?

Для формулирования обоснованной позиции в этом вопросе следует начать с признания того, что при анализе зачастую смешиваются разные аспекты влияния. При всей важности подразумеваемой поддержки со стороны матери-родины нельзя считать, что влияние китайской диаспоры в конкретной африканской стране тождественно влиянию в ней КНР или Тайваня. Здесь возможно сочетание большого количества вариантов.

В то же время невозможно списывать со счетов то, что за спиной у нередко многотысячной массы китайцев, проживающих в той или иной африканской стране, стоит государство, которое:

- уже 12 лет подряд является для континента торговым партнером № 1, а ежегодный товарооборот с Африкой превышает \$200 млрд; прямые инвестиции в регионе достигли \$110 млрд, и 3700 фирм и компаний ежегодно вкладывают в развитие континента все новые и новые средства;

- последовательно сопрягает свои проекты с планами и африканских государств и организаций по индустриализации континента;

- проложило 6 тыс. км железных и шоссейных дорог в самые глухие уголки Африки, построило 20 морских портов и возвело 80 крупных электростанций, подготовило тысячи африканских специалистов и представителей квалифицированного персонала [4].

Ставить под сомнение влияние диаспоры подобной сверхдержавы, по крайней мере, наивно.

Однако *внутреннее* влияние китайских диаспор в большинстве стран исключительно точечное. Они почти не влияют на исход внутриаполитических баталий и выборов. Как китайские власти, так и местные китайские диаспоры оставляют вопросы власти и политики африканцам.

Вопрос о внутреннем (на уровне страны пребывания) экономическом могуществе китайской диаспоры в Африке остается (в отличие, например, от региона Юго-Восточной Азии) одним из наименее изученных.

Несмотря на целенаправленные поиски, автору не удалось найти ни китайских, ни западных, ни отечественных системных исследований на эту тему, основанных на репрезентативном статистическом материале, а не посвященных лишь единичным рассказам о жизненном успехе на деле не столь уж заурядно богатых представителей китайской диаспоры в Африке.

На базе анализа социальной структуры диаспоры, а также аналитического прочтения и обобщения публикуемых жизненных историй, личных впечатлений и историй успеха представителей китайской диаспоры в Африке, можно, не опасаясь серьезных погрешностей, предложить следующий вывод.

Представители китайской диаспоры в Африке, в целом, представляют собой более зажиточные, но политически маловлиятельные части общества. Если не говорить о командированных сотрудниках китайских фирм (пусть и живущих в стране уже ряд лет) и государственных структур (врачи, преподаватели), большая часть китайцев, осевших в Африке, как в прошлом, так и в ходе нынешней, четвертой волны иммиграции, суть представители мелкого и среднего бизнеса. Сферы их экономических интересов, по большей части, лежат в области торговли, ресторанного дела, сферы услуг (парикмахерские, массажные и спа-салоны, китайская медицина, туризм и т.п.). В последние годы в сфере интересов китайских фирм все чаще оказываются строительные подряды, а также мелкая и кустарная горнодобыча, транспорт.

По африканским меркам, *хуажэнь* достаточно состоятельны, зачастую африканские соотечественники считают их очень богатыми. Однако сколь бы ни было реально это богатство, оно (пока) не транслируется в политическое влияние и власть.

Может показаться, что это происходит потому, что представители китайской диаспоры в Африке держатся известных указаний Дэн Сяопина «скрывать блеск» (*тао гуан ян хуэй*) и «делать возможное» (*ю со цзо вэй*). Однако причины, на наш взгляд, кроются в другом.

Главным препятствием на пути транслирования реального экономического влияния в политическую сферу служит не отсутствие подобных устрем-

лений у местных китайцев, а объективные условия окружающей их социально-политической среды - слабое развитие гражданского общества в Африке, незавершенность строительства ключевых институтов демократии западного типа, которая как раз предполагает прямую связь политического влияния и финансово-экономического могущества.

В Европе и Америке огромные финансовые возможности позволяют численно малым группам интересов определять результаты политических процессов. В Африке одного этого пока что зачастую недостаточно. Непреодолимым препятствием для внутривнутриполитического восхождения выходцев из китайских диаспор становится невозможность заручиться поддержкой политических влиятельных крупных сегментов населения. Электоральные симпатии и антипатии широких масс чаще всего базируются на общей племенной или этнической принадлежности, идеях панафриканизма, национализма, позитивной дискриминации или черного расизма.

ХУАИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО УСПЕХА

В то же время отдельные выходцы из среды китайских диаспор (чаще от смешанных браков) принимают личное участие в политической борьбе и в редчайших случаях даже становятся политиками национального и даже общеафриканского уровня.

К числу таковых, например, относится габонец Жан Пин (Jean Ping)², чья нехарактерная для африканских китайцев биография представляет интерес как пример редкого политического успеха *хуаи*, который, преодолев многие преграды, добился высших постов у себя на родине и на общеафриканском уровне, став государственным министром в ранге вице-премьера, министром иностранных дел, - председателем Комиссии Африканского Союза, а в 2004 г. председателем сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Возможно, детали его биографии, а также попавшие в печать самооценки могут раскрыть некоторые секреты сохранения африканскими китайцами своей идентичности и послужить хорошим источником для понимания истории и путей развития китайской диаспоры в Африке в прошлом и настоящем.

Будучи гражданином Габона, Жан Пин, с точки зрения китайского законодательства, не может считаться *хуацяо*. Он входит в большую массу *вайцзи хуажэнь* (зарубежные китайцы с иностранным гражданством), будучи при этом типичным *хуаи* - потомком от брака ханьца с африканкой.

ЖАН ПИН: КТО ОН?

Жан родился в 1942 г. в Омбуэ, небольшом городке к югу от экономической столицы Габона - Порт-Жантиль. Его отец, Чэн Чжипин - чистокровный китаец из Вэньчжоу (пров. Чжэцзян) [5]. Согласно официальной биографии, в 1926 г., в возрасте 19 лет, отец будущего главы МИД Габона в поисках лучшей доли отправился из родного Китая во Францию. Через три года Чэн перебрался в Габон, в то время - французскую колонию. Там ему со временем улыбнулась удача.

В эксклюзивном интервью сингапурской газете Ж.Пин так рассказывал об истории успеха своего отца³: «Когда папа прибыл в Габон, у него не было ни сантима. Он начал здесь с полного нуля и полагался только на свое китайское трудолюбие. Ему пришлось тяжело и много трудиться. Сначала он занимался ловлей рыбы, потом стал поставлять продукты французскому военному гарнизону и, поднакопив денег, занялся лесозаготовками. Работая в этой области, со временем он разбогател. Когда я родился в 1942 г., он уже прочно стоял на ногах. После войны его бизнес по торговле лесом шел в гору. При этом он не терял связи с Родиной и переписывался с живущими там родственниками» [5].

Ставший состоятельным человеком, Чэн Чжипин (его сложное имя местные жители сократили до лаконичного «Пин») к этому времени уже обзавелся семьей, женился на габонке Жермэн Анина из деревни Конго, что в нескольких километрах к югу от Омбуэ. Она и стала матерью Жана Пина.

Как все китайцы, отец очень хотел, чтобы сын получил хорошее образование, и не жалел на это денег, фактически заставляя его учиться. В конечном итоге, папа добился того, что Жан - сын китайского иммигранта - получил габонскую государственную стипендию и был направлен для получения высшего образования во Францию. Там Жан закончил Сорбонну, стал доктором экономических наук, работал в габонском посольстве в Париже. В 30 лет он стал международным служащим, перейдя на работу в ЮНЕСКО. Четырьмя годами позже он занял пост официального представителя Габона в этой организации.

Вернувшись в Габон, в 1984 г. Ж.Пин становится руководителем аппарата президента страны О.Бонго, а затем последовательно возглавляет ряд экономических министерств, пока не становится министром иностранных дел. В 2004 г. он был избран председателем 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а в 2008 г., на саммите глав

² В России его фамилия иногда пишется как Пинг. В частности, таким образом указано имя автора на обложке русского перевода его книги «Глобализация, мир, демократия и развитие в Африке», опубликованной Институтом Африки РАН в 2004 г. В официальных сообщениях (ТАСС, МИД и т.д.) используется, в основном, написание Пин (*прим. авт.*).

³ В этом интервью обращает на себя внимание акцентирование Ж.Пином своей «китайскости» и положительных черт, присущих китайцам (*прим. авт.*).

африканских государств в Аддис-Абебе Жан Пин вышел на уровень общеафриканского руководителя, став председателем Комиссии Африканского Союза, которую возглавлял до 2012 г. Его политическая карьера сошла на нет после того, как он выступил на президентских выборах в Габоне в качестве соперника Али Бонго, сына бывшего президента страны от второго брака, и проиграл.

В Китай Ж.Пин впервые попал лишь в 1987 г., будучи министром иностранных дел и вице-премьером Габона [5]. Он не говорит по-китайски - знает лишь несколько простых словосочетаний, но в общении с китайцами не преминет произнести «*во ши Вэньчжоу жэнь*» («Я - вэньчжоусец»). На протяжении всей активной и долгое время весьма успешной политической карьеры он, несмотря на блестящее европейское образование, искренний патриотизм габонца и дипломатический лоск международного служащего, оставался неотделимым от своей китайской идентичности, выражавшейся и в нежной любви к отцу, и в почитании его памяти, и в искреннем стремлении сблизить Китай и Африку, заботе о родных и соотечественниках из обеих родин.

Будучи уже влиятельным политиком и отцом семейства, он выписал из КНР своего племянника Сюй Гундэ, а тот, в свою очередь, за несколько лет перевез из Вэньчжоу в Габон 107 других родственников и стал председателем Габонской ассоциации зарубежных китайцев [5]. В этом смысле можно сказать, что Ж.Пин самым прямым образом способствовал росту численности китайской диаспоры в Габоне. Нужно признать и то, что подобный способ увеличения китайских диаспор характерен для многих африканских *хуажэнь*, хотя большинство из них располагает куда более скромными возможностями.

При этом Ж.Пин активно использовал свое этническое происхождение в интересах своей африканской родины: для привлечения в Габон инвестиций и развития торговли с КНР, Сингапуром, Гонконгом и другими странами с сильным китайским бизнес-сообществом. А учитывая то, сколь высокие посты он занимал в габонской и общеафриканской политической иерархии, было бы странным полностью отрицать какое бы то ни было влияние его как представителя китайской диаспоры на экономическое развитие и внешнеполитическую линию этой африканской страны.

Карьера Ж.Пина нетипична для представителей китайской диаспоры в Африке. Впрочем, и в других частях света ее могли повторить считанные единицы из зарубежных китайцев. Примеры таких политических великанов, как бессменный сингапурский лидер Ли Куан Ю (руководивший страной в разных статусах с 1959 по 2011 гг.) не в счет - в островном государстве граждане китайского происхождения составляют относительное большинство. Кроме того, «атипичный кейс»

Ж.Пина лишь с чисто формальной точки зрения можно рассматривать как пример реального политического влияния китайской диаспоры на современную политическую жизнь страны пребывания.

В целом же, было бы правильней сказать, что, несмотря на традиционно уважительное отношение к своим китайским корням и гордость за принадлежность к одной из величайших мировых цивилизаций, Ж.Пин является, в первую очередь, продуктом и ярким представителем успешного франкофонного африканского культурно-цивилизационного архетипа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ХУАЖЭНЬ НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Западная пропаганда, как через массовые СМИ, так посредством публикаций в академических изданиях, активно использует тему китайских мигрантов в Африке для создания и поддержания в целом негативного образа КНР и ее африканской политики. Последняя при этом характеризуется как новый империализм или неокOLONиализм, а сама КНР - как угрожающий идеалам Запад бастион угнетения, коррупции и произвола [6].

Китайских мигрантов представляют людьми, готовыми ехать «даже» в Африку, лишь бы сбежать от несвободы, коррупции и диктата коммунистической партии на Родине. Утверждается, что в Африке крайний национализм китайцев нередко приобретает расистские формы, что они считают, что большинство африканцев «вороваты», и из брезгливости «постоянно возят с собой собственные полотенца, чтобы не подхватить в гостиницах какую-нибудь местную заразу» [7].

При этом простые африканцы, со своей стороны, якобы считают, что китайцы в Африке наносят вред окружающей среде, насаждают коррупцию, нарушают законы и «поддерживают ужасных политических лидеров». Впрочем, во избежание обвинений в несбалансированном освещении вопроса подобные «аналитики» нередко добавляют, что некоторым политическим лидерам Африки импонирует китайская политика по принципу «win-win».

Другой характерной чертой анализа роли китайских диаспор в развитии стран континента на Западе является игнорирование самостоятельной значимости местных диаспоральных сообществ вне контекста стратегии КНР в Африке и отведение зарубежным китайцам исключительно роли пассивного инструмента политики Пекина на континенте [8; 9].

С другой стороны, китайские авторы и существенно меньшая часть их западных коллег приводят примеры позитивной роли участия китайской диаспоры в диалоге КНР-Африка и пытаются до-

казать реальные положительные для стран Африки результаты этих усилий [10; 11]. При этом сами китайские власти и лидеры страны неизменно подчеркивают важную роль зарубежных китайцев в развитии китайско-африканского обоюдного сотрудничества [12-14].

Новые штрихи в отношения китайской диаспоры с местным населением внесли разразившаяся пандемия COVID-19 и глобальный экономический кризис. Эти катаклизмы обострили противостояние США и Китая. Несмотря на то, что КНР оказала многим странам континента помощь поставками медикаментов, средств защиты, медтехники и направив в некоторые страны бригады врачей и специалистов, в ряде африканских СМИ возросло число материалов, воспроизводящих западные публикации антикитайской направленности.

При этом официальные власти стран континента неоднократно выражали Пекину признательность за безвозмездную помощь в борьбе с заболеванием и содействие в ослаблении экономических последствий пандемии.

Посильный вклад в облегчение ситуации в своих странах вносят и местные китайские диаспоры. Так, в Кении объединение выходцев из провинции Сычуань предоставило в дар полиции Найроби медицинские маски и другие средства защиты. Торговая палата китайцев Мадагаскара регулярно

но закупает предметы первой необходимости и передает местным муниципальным органам, министерству торговли, министерству промышленности, полиции. Часть пожертвований, включая рис, передавалась напрямую местным жителям. В этом смысле китайские диаспоры проявляли общенациональную солидарность со всеми гражданами страны проживания.

* * *

Проведенный выше анализ показывает, что становление и бурный рост китайской диаспоры в Африке превратился в реальный фактор, оказывающий сильное воздействие на весь комплекс китайско-африканских отношений, в первую очередь на его экономическую часть, поскольку члены диаспор все более выступают не просто пассивными участниками, а инициаторами и драйверами этого двустороннего взаимодействия.

Учитывая, что, несмотря на годовые колебания, масштабы китайской иммиграции в Африку остаются устойчиво высокими и на длительных временных промежутках имеют тенденцию к росту, следует, по-видимому, ожидать и возрастания степени влияния диаспоральных сообществ - как на ход китайско-африканского сотрудничества, так и на эффективность его результатов для экономик стран Африки.

Список литературы / References

1. Фитун О.Л. Китайская диаспора Африки: пространственная эволюция и этапы развития. Статья 1. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 6, с. 29-36. (Fituni O.L. 2020. Chinese Diaspora in Africa: Spatial evolution and stages of development. Part 1. *Asia and Africa Today*, № 6) (In Russ.)
2. Прохоренко И.Л. Диаспоры и диаспоральные "миры". *Идентичность: личность, общество, политика*. М., 2017. (Prokhorenko I.L. 2017. *Diasporas and diasporal "worlds". Identity: personality, society, politics*. Ed. I.Semenenko. M.) (In Russ.)
3. Шэнь Чжэньхуэй. Очерк китайской культуры. Пер. с кит. О.Л.Фитун. М., 2019. (Shen Zhenhui. 2019. *An Essay on Chinese Culture*. Transl. by O.L.Fituni. M.) (In Russ.)
4. FM: Africa agrees Taiwan part of China. <https://www.focac.org/eng/ttxsy/t1732395.htm> (accessed 08.03.2020)
5. 加蓬副总理首访新加坡 温州会馆认祖寻根聊乡情. (Gabon's Deputy Prime Minister makes his first visit to Singapore) (In Chin.). <http://www.chinanews.com/hr/yzhxw/news/2007/02-08/871009.shtml> (accessed 08.03.2020)
6. French H. 2014. China's Second Continent: How a Million Migrants Are Building a New Empire in Africa. N.Y.
7. The Mass Immigration Of Chinese People Into Africa Is Almost Entirely Driven By Money. *The Economist*. August 24, 2014. <https://www.businessinsider.com/the-mass-immigration-of-chinese-people-into-africa-is-almost-entirely-driven-by-money-2014-8> (accessed 08.03.2020)
8. Ramirez R., Rodríguez P. The Chinese Enterprise in Africa: A Review from a European Perspective. *Journal of International Relations and Foreign Policy*. 2014. Vol. 2, № 2, pp. 49-73.
9. Wegenast T., Krauser M. et al. At Africa's expense? Disaggregating the employment effects of Chinese mining operations in sub-Saharan Africa. *World Development*. V. 118, June 2019, pp. 39-51. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.02.007> (accessed 10.03.2020)
10. Mohan G. et al. 2014. Chinese Migrants and Africa's Development: New imperialists or agents of change? L.: Zed Books.
11. Tang Xiaoyang. 'Models of Chinese Engagement in Africa's Extractive Sectors and Their Implications'. *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*. 2014. V. 56, № 2, pp. 27-30.
12. 以“侨”架“桥”习近平这样谈侨务工作. (Let "emigrants" build transnational "bridges". Xi Jinping talks about overseas Chinese affairs) (In Chin.). https://www.guancha.cn/politics/2019_05_29_503611.shtml?s=zwybjwzbt (accessed 27.02.2020)
13. "祖国是我们最强有力的依靠" 海外华侨华人热议十九大报告. 人民网—人民日报. ("The motherland is our strongest support"- Overseas Chinese discuss the report of the 19th CPC National Congress. *People's Daily*). October 24, 2017 (In Chin.). <http://cpc.people.com.cn/19th/n1/2017/1024/c414305-29604561.html> (accessed 27.02.2020)
14. "中非关系"为何"非比寻常"? 习近平这样说. 2018-07-21. (Diplomatic idioms: What is so unusual about "China-Africa Relations"? This is what Xi Jinping says) (In Chin.). http://www.xinhuanet.com/world/2018-07/21/c_129918013.htm (accessed 27.02.2020)